

ВСЁ БЛИЖЕ К ДОМУ

Ученые из Санкт-Петербурга разработали уникальный проект модернизации домов ребенка, который может решить проблемы социального сиротства. Сегодня проект реализуется уже в нескольких российских городах.

Ольга Алленова

Новосибирский дом ребенка №2. Первая группа все еще называется экспериментальной, хотя ее опыт перенял уже почти весь дом ребенка. В небольшом помещении группы по-домашнему уютно. Детей семь человек. Два взрослых педагога сидят на низких стульчиках — на одном уровне с детьми. В левой части комнаты воспитатель с воспитанниками пересыпают фасоль из банки в банку. Самая активная участница занятия — Алина, в нарядном платье с бантами. В обычном детском учреждении ей никто бы не дал фасоль, да и вообще все мелкие предметы были бы убраны из поля зрения. Здесь же детям не запрещают проявлять инициативу. Если ребенку интересно перебирать фасоль или макароны, это надо обязательно делать, считают педагоги. В-первых, развивается мелкая моторика. Во-вторых, ребенок будет знать, что макароны в сыром виде отличаются от сваренных. Обычно воспитанникам казенных учреждений именно таких знаний и не хватает. Ну а контроль за безопасностью ребенка обеспечит воспитатель, у которого не пятнадцать детей в группе, а всего семь.

Алина поступила в дом ребенка почти четыре года назад, через несколько месяцев после рождения. Ей диагностировали отставание в нервно-психическом развитии и ДЦП. По прогнозам, она не должна была даже говорить. И вообще вести активный образ жизни. В первые месяцы жизни Алина могла часами лежать и смотреть в одну точку. До двух лет она выполняла только простые манипуляции с предметами. Состояние девочки показывало, что никаких перспектив у нее нет. Когда Алине исполнился год, она стала улыбаться. К этому времени в доме ребенка начался проект «Как дома», первые же месяцы реализации которого дали потрясающие результаты.

Обстановка в новосибирском доме ребенка №2 максимально приближена к семейной

В рамках проекта первая группа дома ребенка была модернизирована и превратилась в экспериментальную. Это место стало для детей настоящим домом — их перестали переводить из группы в группу каждый год, как это делается во всех сиротских учреждениях. Группы сократили почти вдвое: если раньше в них было по 14–15 детей, то теперь только по 6–7. В одной группе объединили разновозрастных детей — от младенцев двух-трех месяцев до детей трех лет, чтобы старшие учились проявлять заботу о младших, а младшие имели перед глазами образец для подражания.

Интеграция произошла не только по возрастному принципу: в одной группе объединили обычных детей и детей с ограниченными возможностями, чтобы стимулировать развитие детей с инвалидностью. Изменился график работы воспитателей,

они стали работать не через день, а каждый день, но не по 12 часов, а по 8: один с 6:00 до 14:00, второй — с 14:00 до 22:00. Ежедневное присутствие одних и тех же взрослых людей, по мнению специалистов, создает у детей ощущение стабильности. Сама работа воспитателей тоже изменилась, их обучили психологи Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), разработавшие проект «Как дома». Целью обучения было не только повышение квалификации педагогов, но и качественное изменение их подхода к общению с детьми. Им объяснялось, почему для ребенка важно получать реакцию от взрослого на любой свой сигнал, будь то смех, слезы или демонстрация успехов; почему быстрое кормление, переодевание и купание без вербального общения препятствуют развитию детей; насколько важен контакт лицом к лицу при кормлении;

почему нельзя перебивать маленького собеседника; для чего надо постоянно объяснять ребенку, что его ожидает в ближайшее время — прием пищи, переодевание или прогулка.

Внутреннее пространство группы тоже изменилось, отсюда убрали все барьеры — перегородки и манежи. Взрослых пересадили на низкие скамейки и диванчики, чтобы дети чувствовали себя с ними на равных.

Все эти преобразования были направлены на создание стабильного социального окружения для детей.

Алина находилась именно в этой экспериментальной группе. В два года и три месяца она встала на ноги и пошла. Сейчас она не просто ходит и играет. Девочка произносит короткие фразы — хотя к полутора годам издавала только несвязные звуки. У нее нет беспорядочного дружелюбия ко всем взрослым, которым страдают все дети в сиротских учреждениях. А еще Алине сняли диагноз ДЦП. Сейчас у нее небольшая задержка психоречевого развития и легкая степень умственной отсталости. «С Алиной мы получили удивительный результат, — говорит главный врач дома ребенка №2 Галина Стремоухова. — Она поступила к нам, практически не двигаясь, ни на что не реагируя, а сейчас это другой ребенок. Она выправилась, социально адаптирована, умеет взаимодействовать с взрослыми, у нее не разрушена привязанность».

Наиболее отзывчивыми к реформе в доме ребенка оказались именно дети с инвалидностью. Они быстрее других детей стали реагировать на взрослых, проявлять эмоции и общаться. Это важный итог проекта. Не менее важно и то, что в результате реформы изменилось не только умственное и психическое развитие детей, но и физическое: заболеваемость ОРВИ снизилась на 15%, а характеристики роста и веса улучшились на 10%.

Еще один результат реализации проекта «Как дома» — высокий процент семейного устройства детей. Сегодня 96% детей из дома ребенка №2 уходят в семьи. Галина Стремоухова говорит, что модернизация дома ребенка и обучающие семинары помогли ее сотрудникам понять простую вещь: ребенок — это личность со своими запросами и потребностями, его интересы в доме ребенка превыше всего. У него есть право на свое прошлое, так что, куда бы ребенок ни уходил из этого учреждения, в семью или детский дом, он имеет право знать о себе все, что пожелает. Поэтому, если сюда приходят приемные родители, педагоги рассказывают им очень подробную историю жизни ребенка в учреждении. Общение с приемными ро-

дителями — целая наука. «От нашего общения с родителями зависит их желание забрать ребенка, — говорит Стремоухова. — Важно все, что я скажу о его уровне развития и здоровье. Важно сказать это честно. И мы добились того, что детей стали больше забирать. Забирают в семьи и детей с инвалидностью, что еще несколько лет назад казалось невозможным. Родители, пообщавшись, понимают, что это особенные дети, они пережили стресс, им нужно повышенное внимание, но это дети, которые умеют выстраивать отношения с взрослыми, у них хорошие перспективы в семьях.»

За три года реализации проекта «Как дома» в доме ребенка №2 ни один из родителей не отказался от приемного ребенка. Это, пожалуй, один из самых важных результатов.

В то же время необходимо признать, что в семье, как правило, забирают детей с сохранным интеллектом и чаще всего без инвалидности. В этом доме ребенка 25 детей с инвалидностью, 8 — с ВИЧ. Не все из них найдут семью. «Но если раньше такие дети попадали в интернаты и умирали для общества, становились „балластом“, то теперь они будут адаптированы, социализированы и готовы к самостоятельной жизни», — рассказывает Стремоухова.

В доме ребенка №2 живет трехлетний Вася, который благодаря проекту «Как дома» вернул родную семью. Родители отказались от него почти сразу после его рождения: врачи объяснили им, что у мальчика тяжелая умственная отсталость, он не сумеет реагировать на окружающий мир и жить с ним вместе будет невозможно. В прошлом году Галина Стремоухова встретилась с родителями Васи в суде: органы опеки собирались лишить их прав. Когда родители узнали, что ребенок ходит, разговаривает и общается с педагогами, они попросили разрешения его увидеть. Когда увидели — не поверили, что это их сын. Потому что Вася не похож на ребенка с тяжелой умственной отсталостью. За низким детским столиком он старательно рисует вместе со своей сверстницей Дианой и логопедом Ириной Федотовой. Когда я спрашиваю, что он рисует, Вася протягивает мне лист, предлагает посмотреть.

Куратор проекта «Как дома» Олег Пальмов, доцент кафедры психологии СПбГУ, говорит, что Вася теперь «социально ком-

петентен». Через месяц родители заберут его домой.

Клету в этой экспериментальной группе останется только трое детей четырех лет, которые пока не нашли семью и которых переведут в детские дома и интернаты: Алина, Диана и Никита. В отличие от Алины у Дианы и Никиты сохранный интеллект, но у обоих ДЦП. Диана передвигается на коленях, у нее поражены левая нога и правая рука, деформирована стопа. Ей уже сделали одну операцию, но Диана привыкла беречь ногу, поэтому по-прежнему ползает на коленках. Педагоги говорят, что еще пара операций и реабилитация помогли бы девочке встать на ноги. «Первый год ее в доме ребенка был сложным, она все время лежала, — говорит Ирина Федотова. — Теперь она очень подвижна, задает много вопросов, прекрасно видит сюжетную картинку». Когда я вошла в группу, Диана развела руками и сказала: «Гости!» Исудовольствием отвечала на мои вопросы. Говорят, Диану хочет забрать родная мать, но переживает, что в башкирской деревне, где она живет, ребенку с особыми потребностями будет трудно.

Никита после очередной операции на ногах должен ходить — на это здесь все очень надеются. «Когда мы поняли, что у него ДЦП и он не может ходить, мы освободили ему руки, — говорит логопед, — моторика у него развита хорошо, и это компенсировало во многом ту неподвижность, на которую его обрекал ДЦП. Никита очень живой, подвижный, музыкальный, эмоционально развит, он пытается даже танцевать и обижается, если его в танец не берут».

Ирина Федотова долго рассказывает мне об особенностях этих детей. В какой-то момент я понимаю, что обычный педагог не может знать о ребенке столько же, сколько знает его мама. А Ирина Федотова — может. В этом и заключается суть проекта «Как дома»: педагоги становятся «профессиональными мамами». Поэтому, когда Ирина вышла со мной из группы, Диана и Вася обеспокоенно обернулись. И когда в доме ребенка появляется посторонний, дети не бросаются к нему обниматься с криками «Мама!», а жмутся к своему воспитателю — как обычные дети к своим мамам при виде чужого человека. ▶

«И мы добились того, что детей стали больше забирать. Забирают в семьи и детей с инвалидностью, что еще несколько лет назад казалось невозможным»

«Я понимаю, что мы дорогое удовольствие, но ведь мы хотим полноценных граждан выпускать, это того стоит»

Олег Пальмов рассказывает мне о результатах различных зарубежных исследований, подтверждающих, что у детей, которые более 18 месяцев в младенчестве провели в сиротском учреждении, потом, даже в приемной семье, наблюдаются агрессивность, нарушение внимания, гиперактивность и нарушение эмоциональной саморегуляции. По данным исследований, чем больше ребенок живет в учреждении, тем больше нарушений поведения он будет проявлять потом.

Ученые СПбГУ, с начала 1990-х годов проводившие исследования в доме ребенка №3 Санкт-Петербурга, пришли к выводу, что отклонения в развитии и поведении чаще всего случаются у тех детей, которые первые два года своей жизни провели в отсутствие «близкого взрослого» — человека вроде мамы. «Мы проанализировали организацию жизни и труда в доме ребенка, — говорит Олег Пальмов, — учли сменную работу персонала, ротацию и текучесть кадров, перевод детей из группы в группу. И пришли к выводу, что в первые три года жизни ребенок имеет опыт непродолжительного взаимодействия с 60–100 взрослыми. Такое количество людей за три года прикасается к ребенку, ставит перед ним задачи, ведет его на процедуры, кормит его, подмывает. Трудно представить себе обычного семейного ребенка в такой ситуации. Поэтому для нас важным было именно создать стабильное социальное окружение для ребенка. И результаты оказались потрясающими». (Подробнее о проекте — в интервью профессора Рифката Мухамедрахимова на стр. 32.)

Уникальность проекта «Как дома» заключается в том, что он позволяет приблизить условия сиротского учреждения к семейным: у ребенка в этой «семье» есть близкий взрослый человек (вроде мамы), и этот взрослый человек уделяет ему достаточно внимания. Так как в группе всего шесть-семь детей, психика педагога более сохранна, чем у его коллег в обычных учреждениях, и у него есть внутренний ресурс для подлинной заботы о ребенке, любви к нему, участия в его судьбе.

Ученые особо отмечают перемены, которые происходят в самих сотрудниках дома ребенка. Олег Пальмов говорит, что новые условия работы, предлагаемые проектом, спасают воспитателей от профессионального выгорания.

Чтобы начать реализацию уникального проекта в Новосибирске, понадобилось

совсем немного: желание руководства дома ребенка и средства на обучение персонала. «Когда мы увидели результаты реализации этого проекта в Санкт-Петербурге, мы поняли, что работать по-старому уже нельзя», — говорит Галина Стремоухова. Хотя признает, что не все сотрудники были готовы: боялись перемен.

Сначала проект согласовали с администрацией Новосибирской области. В Новосибирске сложились особые отношения между властями и некоммерческим сектором, здесь давно и успешно развиваются совместные социальные проекты (см. материал «Дорога к детдому» во «Власти» №49 от 10 декабря 2012 года). Для обучения сотрудников дома ребенка №2 пригласили психологов из СПбГУ, авторов проекта «Как дома». Спонсором обучения выступил новосибирский благотворительный фонд «Солнечный город».

«Курс обучения персонала дома ребенка одним специалистом стоит около 250 тыс. руб., — поясняет директор «Солнечного города» Марина Аксенова. — Не такие большие деньги, если учесть эффективность этой реформы. Можно было бы задействовать минздрав области, но мы хотели сделать все как можно быстрее». Аксенова убеждена, что реформа домов ребенка в России не очень затратный проект. Если не брать во внимание обучение персонала, которое могут финансировать как благотворительные фонды, так и государство, то на материально-техническое оснащение домов ребенка в рамках проекта требуется «минимум средств». Самая большая проблема — оплата труда сотрудников домов ребенка. Но и тут, по мнению Марины Аксеновой, надо всего лишь использовать «на полную катушку» законодательство и ресурсы детских учреждений. Дело в том, что сегодня в России действует приказ №39 Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2007 года «Об утверждении рекомендуемых штатных нормативов медицинского, педагогического и прочего персонала домов ребенка». Он позволяет в домах ребенка содержать группы из шести детей — на каждую такую группу выделяются один воспитатель, одна медсестра и одна няня. Но чиновники на местах говорят, что этот приказ носит всего лишь рекомендательный характер, а руководители детских учреждений, пытаясь остановить текучесть кадров, укрупняют детские группы, за счет чего увеличивают ставки воспитателей и уменьшают количество часов их работы.

Таким образом, в домах ребенка, где вместо шести в группе находится четырнадцать детей, воспитатели работают чуть меньше, денег получают чуть больше, при этом у детского учреждения остаются еще средства на выплаты стимулирующего характера: премии и бонусы. Если же детское учреждение соглашается на модернизацию по модели проекта «Как дома», то персоналу придется больше работать, а зарабатывать меньше. Это значит, какая-то часть сотрудников домов ребенка, особенно в больших городах, будет искать другую работу. «Мы сегодня „сеедаем“ все финансирование, что выделяется на дом ребенка, — говорит Галина Стремоухова. — У нас не остается средств на выплаты стимулирующего характера. Это очень актуальная проблема. На конференции, которая недавно проводилась в Новосибирске для домов ребенка Сибирского округа, многие говорили об этом: если переходить на новую модель, то немало учреждений получат проблему в виде дефицита штатов. Поэтому мы считаем, что государству необходимо увеличить финансирование домов ребенка. Я понимаю, что мы дорогое удовольствие, но ведь мы хотим полноценных граждан выпускать, это того стоит».

Марина Аксенова, в свою очередь, считает, что для реализации проекта «Как дома» во всех домах ребенка России властям необходимо не только увеличить финансирование детских учреждений, но и проявить политическую волю: «Пока на местах будут трактовать приказы Минздрава по-своему, пока не будет единого государственного решения о реформе домов ребенка, эта реформа не произойдет. Многие люди просто не хотят меняться. Мы проводили конференции о том, как важна реформа домов ребенка в решении проблем социального сиротства, но все упирается в проблемы финансирования: люди на местах не готовы терять надбавки к зарплате ради улучшения психического состояния детей в этих учреждениях».

В отдельном ряду стоит еще одна проблема «государственного уровня» — тенденция к сокращению малоконтактных детских домов. «Как идеология, подчеркивающая, что дети должны жить в семьях, это хорошо, — считает профессор Санкт-Петербургского университета, один из авторов уникальных исследований, лежащих в основе проекта «Как дома», Рифкат Мухамедрахимов. — Но она не соответствует тому, что сейчас происходит в обществе. Количество детей, поступающих в детские учреждения, по-прежнему огромное. И от того, что мы закроем детские дома и приюты, а детей оставим в семьях или в семье по команде устроим, проблема не решится — она может только осложнить»

Здесь нет казенщины, а эти женщины в домашней одежде не похожи на обычных педагогов из детских учреждений. Они похожи на мам

ся. Есть много примеров, когда ребенка нельзя оставлять в семье, его необходимо забрать из семьи в детское учреждение. Есть много примеров, когда устройство ребенка в семью невозможно при том развитии общества, которое мы имеем сейчас. Чтобы эти дети чувствовали себя нормально, необходимо создавать в детских учреждениях нормальные условия, стабильное окружение, ведь даже для взрослого человека стабильность важна, а для ребенка тем более. Это стабильное социальное окружение более всего возможно в условиях малокомплектности».

Галина Стремоухова говорит, что новосибирский дом ребенка №2 считается маленьким, поэтому у него много проблем. «Мы относимся к объектам здравоохранения, — объясняет она, — поэтому у нас все должно быть как в медучреждении. Например, по правилам у нас в пищеблоке должен быть тестомес, чтобы выпекать хлеб. Но самый маленький тестомес — на десять литров, а нам так много не надо. И зачем нам его покупать, если детям лучше испечь хлеб руками, заряженный любовью?»

Маленькие учреждения вообще часто мучают разные проверяющие инстанции: кому-то не нравится, что в группе на шесть детей только один санузел, кому-то кажется, что квадратных метров недостаточно. Любая из таких причин может стать проблемой, а в конечном счете даже причиной закрытия учреждения. В то же время во всем мире давно перешли на малокомплектные учреждения для детей-сирот, говорит Марина Аксенова. «Если учреждение, в котором воспитывается не очень много детей-сирот, не оправдывает себя экономически, оно может параллельно выполнять функцию центра по сопровождению трудных семей, семей с приемными детьми, — убеждена директор „Солнечного города“. — Это прекрасная база для того, чтобы помочь кризисным семьям, которым сегодня в России никто не помогает. Таким образом можно было бы решить сразу несколько проблем: сохранить стабильное социальное окружение для детей-сирот в малокомплектных учреждениях; помочь кризисным и приемным семьям сохранить детей; основные средства государства направить не столько на стимулирование усыновления, которое само по себе проблемы не решает, сколько на профилактику социального сиротства».

Пожалуй, самый важный вопрос, определяющий перспективность и эффективность проекта «Как дома», — даль-

нейшая судьба детей, которым не повезло найти семьи. Даже если все дома ребенка в России реформировать по модели, предложенной петербургскими учеными, то часть детей из этих модернизированных учреждений все равно перейдет в обычные детские дома, где проблема нестабильного социального окружения не решена. Если же ребенок идет в психоневрологический интернат или дом инвалидов, то он попадет в абсолютно стрессовые условия, что в итоге может привести к аннулированию тех позитивных сдвигов, которых добились в доме ребенка.

Если Алину и Никиту из дома ребенка №2 не заберут в семьи, они попадут в учреждения как раз такого типа. О том, что их ждет, в доме ребенка №2 стараются не думать: надеются, что дети все же найдут семью.

Ученые убеждены, что реформа необходима всей системе сиротских учреждений в России. Также необходима прочная профессиональная связь между домами ребенка, где дети воспитываются до четырех лет, и детскими домами, куда они уходят жить потом. Сегодня в России между такими учреждениями нет никакой связи — дети, уходя из домов ребенка, просто исчезают из поля зрения воспитателей. Но для обеспечения стабильного окружения ребенка в детском доме необходимо, чтобы его перевод из дома ребенка не проходил в стрессовой ситуации.

В доме ребенка №13 в Санкт-Петербурге, в котором реализацию проекта «Как дома» начали еще в 1997 году, проблему преемственности решили: он работает в связке с детским домом №1. Дети с ограниченными возможностями, которые не находят семью, переходят в детский дом, но перед этим ребенка готовят профессионалы: из детского дома к нему в группу на месяц переезжает воспитатель. А когда ребенка переводят, то его «родной» воспитатель из дома ребенка переезжает с ним и находится с ребенком один-два месяца, пока тот адаптируется. Это, конечно, не просто, но других вариантов для сохранения психики ребенка просто нет.

Дом ребенка №13 — это вообще уникальное место. Сегодня здесь самый высокий процент устройства детей в семьи. В отличие от остальных учреждений мамы и бабушки могут приходить сюда и общаться с детьми в любое время. Если родитель желает сохранить или вернуть ребенка, он может участвовать в проводящихся тут специальных занятиях. Здесь

в лифте я встречаю воспитателя с девочкой, которая едет с какой-то медицинской процедуры. Увидев меня, девочка прячет лицо в подол воспитателя — так ведут себя дети с мамами. Психологи называют это избирательностью — полной противоположностью неразборчивому дружелюбию. В малокомплектных группах, в которые я захожу в середине дня, воспитатели обедают за одним столом с детьми. Атмосфера совершенно семейная. Дети реагируют на меня как на чужого человека, который вторгся в их личное пространство. В другой группе я наблюдаю, как с детьми играют. В одной группе шесть детей и два педагога — воспитатель и дефектолог. Дефектолог «удит рыбу» с двумя малышами: оба с маленькими удочками склонились над ведром с водой. Дети счастливы, они видят воспитателя, разговаривают с ним, получают эмоциональный отклик, им интересно. Другой педагог носит на руках младенца, поет ему, что-то рассказывает — ребенок внимательно смотрит. Здесь нет казенщины, а эти женщины в домашней одежде не похожи на обычных педагогов из детских учреждений. Они похожи на мам.

Когда проект здесь только запускали, главный врач Наталья Никифорова лично ходила по группам и проверяла, как ведут себя сотрудники: не шлепают ли детей, не кричат ли на них, не ставят ли в угол. «Если где-то у меня раздавался детский плач, я неслась туда как фурия, чтобы пресечь возможную расправу над ребенком», — улыбается она. Прошло много лет, теперь этот дом ребенка — одна большая семья. Педагоги этого учреждения в результате обучения участия в проекте стали специалистами в области раннего вмешательства. В прошлом году одна из сотрудниц, дефектолог Ирина Полянская, добровольно отправилась с пятимесячной воспитанницей Светой Кудымовой в Центр трансплантологии и искусственных органов имени Шумакова в Москву («Власть» писала об этом в материале «Судьба людей с пересаженными органами во многом зависит от общества», опубликованном в №50 от 17 декабря 2012 года). Ирина провела в больнице со Светой более полугодом. Месяц назад ребенок перенес трансплантацию печени, скоро ее выпишут «домой» — в Петербург, в дом ребенка. Если бы не решение Ирины, у Светы не было бы шансов: за такими детьми необходим уход близких людей. Света стала первым в России ребенком-сиротой, перенесшим трансплантацию. Врачи говорят, что даже родные мамы не всегда проявляют такое мужество и упорство, какое проявила воспитательница дома ребенка. И этот пример лучше других подтверждает успех петербургских ученых. ■